

Тищенко Т.

Тридцать первое декабря

12+

Татьяна Тищенко
Тридцать первое декабря

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Тищенко Т. М.

Тридцать первое декабря / Т. М. Тищенко — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Рассказ о чудесах, которые мы так ждем под новый год. Которые обязательно случаются и круто меняют нашу жизнь в лучшую сторону.

Татьяна Тищенко

Тридцать первое декабря

Люблю Новый год!

Время чудес... Я, обладая прекрасно развитой фантазией, придумываю чудесные подарки для своих близких, надеюсь на какие-то неожиданные, но приятные встречи, жду их. Конечно, как и с большинством людей, со мной ничего «такого» не происходит, но я всё равно мечтаю...

Ну, так-то мне особо ничего не нужно. Сыта, одета-обута. И внешне хороша. И со здоровьем всё в порядке. Но так хочется чего-то волшебного, необыкновенного...

Мне девятнадцать. Я, студентка второго курса педагогического института, живу с родителями в большой и благоустроенной квартире. Мы переехали сюда всего месяц назад. Сейчас у меня своя комната, а кроме того, допустимая свобода и... всё! С личной жизнью глухо.

В моей группе, да и во всём нашем потоке практически одни девушки. Парней: раз, два, – и обчёлся. И то, они какие-то... Не мужественные, одним словом, а так, что-то с нечто.

Этот Новый год я собиралась отмечать со своей единственной подругой Мариной.

Она – моя противоположность – весёлая, взрывная, белокурая хохотушка. Живёт с бабушкой, которая совершенно её не стесняет. Родители Марины всю свою жизнь проводят в каких-то экспедициях, геологоразведках, командировках... Моя подруга с детства чувствовала себя вполне самостоятельной особой.

– Криска, я с пяти лет в садик сама ходила! Бабушке на работу к семи, так я, как будильник прозвенит, одевалась, дверь в квартире захлопывала, и вперёд! Это вы, маменькины дети, привыкли, что за вас всё решают, в попу вам дуют! У меня жизнь другая! Жалко, конечно, что я детства настоящего не видела, ну так что ж? Наверное, у меня будет вполне себе счастливая старость!

Оптимистка, до ломоты в зубах...

Почему Новый год, и не дома, спросите вы? О, это отдельная история! Мои родители, в первый раз в жизни, собрались в санаторий. Два трудоголика: мама – учительница и папа – врач, наконец-то, поняли, что им уже давно пора отдохнуть, а я, их единственная дочь, выросла, и вполне могу пожить пару недель одна. Они уезжают тридцатого декабря. Пельменей – полная морозилка. Студень, колбаса, икра и прочие деликатесы, – в холодильнике. Фрукты – на лоджии. Даже бутылочка какого-то дорогого шампанского выделена мне из папиного бара на Маринкин «стол». Родители знают, что я спиртного – не употребляю.

– Кристина, обязательно возьми с собой продукты и вино! Твоя подруга не должна кормить и поить всю вашу компанию! – мама говорит учительским тоном.

– Какая компания? – возмутилась я. – Кроме меня у Маринки будет только Ленка Тихонова. Три девицы...

– А тётя Лариса?

– А, ну да, – спохватилась я, – и её бабуля, конечно, тоже, только я очень сомневаюсь, что она в свои семьдесят кинется пить ночью шампанское!

– Во всяком случае! – мама качает головой. – Ночью никуда не выходите! С «бенгальскими» огнями, петардами и свечами аккуратнее. Домой – только утром, и желательно на такси!

– Ма-а-ам! Какое такси? Два квартала! И почему утром? Я, может, до обеда спать там буду...

– Ой... – мама садится на стул. – Душа просто не на месте! Как ты тут одна? Совсем ещё ребёнок!

– Да... Как я одна? – трагедийным голосом повторяю я мамины слова и улыбаюсь. – В своей квартире? С полным холодильником? Ужас! Мама! Ты что? Какой я ребёнок? Сколько мне лет, а? Вон, Светка Скворцова, моя одноклассница, в пятнадцать лет в Москву учиться уехала. В пятнадцать! И нормально, отлично даже!

– Да, возможно... – мама покивала головой. – Марину вон, тоже, родители с трёх лет на бабушку бросили! Но это – не показатель! Ты воспитана по-другому, в иных, так сказать, условиях!

– Ага... – я понимаю, что спорить бесполезно и проще промолчать, чтобы дать маме выговориться.

В комнату вошёл папа.

– Кристинка, слушай, тридцать первого курьер посылку привезёт. Подарок тебе на Новый год. Постарайся днём быть дома, хорошо?

Я улыбаюсь. Папа, мой милый, самый лучший папа в мире... У него, заведующего хирургическим отделением, море работы, десятки пациентов, а он всё равно помнит обо мне...

– Конечно, папочка, – говорю я и обнимаю его, такого большого, родного и тёплого. – А я вам с мамой потом свои подарки вручу, когда приедете. Хорошо? А то неинтересно будет!

Папа согласно улыбается и кивает на маму.

– Страдает?

– А то! Ты уж там, в санатории, сделай так, чтобы она хоть немного развеялась! А то будет всё время в обнимку с телефоном сидеть, меня набирать...

Мы с папой посмотрели друг на друга и заговорщицки прикрыли свои глаза.

Ага, сегодня я поняла, что человек только предполагает, а располагает-то Бог!

Маринка позвонила мне тридцать первого утром.

– С наступающим, – прохрипела она, – заболела я... Пипец! Два дня терпела, и вот! Ангина, гнойная... Горло болит – не могу. Врач только что ушёл. Температура тридцать девять...

Я потеряла дар речи. Да плевать на Новый год! Маринку жалко...

– Маришка, дорогая, мне приехать?

– Ты что, Криска, это ж заразно! Бабулька моя, и то маску медицинскую надела! Ладно, пока, а то мне говорить трудно...

Вот так! Утро последнего дня старого года принесло свои сюрпризы. «Как ты встретишь Новый год, так его и проведёшь! Ты одна весь год, Кристинка, дорогая, проживёшь!» – пропела я себе.

Нет, погоди, есть же варианты! Ленка, а как она? Набираю номер Маринкиной соседки и одноклассницы.

– Лен, доброе утро, это Кристина.

– Ага, поняла, привет... Маринка заболела, знаешь?

– Да, вот поэтому и звоню. Ты где теперь отмечать будешь?

– На дачу поеду, к тётке своей. Уже одеваюсь. У неё там целая компания собирается, вроде, весело будет. А ты что-то хотела?

– Нет, ничего, просто, с наступающим тебя Новым годом!

– Спасибо, и тебя!

Сажусь на диван. Да... Неожиданно всё это, но... такова жизнь!

Дома тихо и красиво. Мы с мамой тщательно убрались, повесили в гостиной новые шторы, нарядили ёлку.

Новогодняя ель – наша гордость. Огромная, пушистая, с гирляндами, «дождём» и украшениями. Каждый год мама, со слезами на глазах, достаёт ватных снеговиков и зайчиков, которые мы мастерили с ней, когда мне было три, пять... И благоговейно вешает их на самые видные места. А мне нравятся старинные стеклянные бусы и заснеженные домики, мальчики на коньках, снегурочки. Мама рассказывала, что эти игрушки – подарок пожилой доброй женщины, у которой она жила, когда, совсем молоденькая, работала в деревне учительницей начальных классов. И где она познакомилась с моим папой – врачом. Ну да, конечно, именно тогда они и нашли друг друга! Сельская интеллигенция. А потом родилась я.

Ну что же! Не стоит унывать. Сейчас я уберусь в своей комнате, схожу в душ, а потом подумаю, что делать.

Не успела я как следует «смыть с себя грязь старого года», как услышала резкий, требовательный звонок. «А, да, – подумала я, – это же мой подарок привезли!» Чертыхаясь и не попадая в рукава тёплого халата, я выскочила из ванной.

– Бегу!

Открываю дверь. Нет, это точно не курьер. Мужчина в поношенной куртке. Странно, но его лицо – лицо человека явно злоупотребляющего спиртными напитками, мне знакомо... Хотя, клянусь в этом, я вижу его в первые в жизни.

– Здравствуй, – бодро говорит он и заинтересованно оглядывает меня, мокрую, с «тюбаном» из махрового полотенца на голове. – Еле вас нашёл... С наступающим!

– Здравсьте, – вежливо киваю я. – Спасибо. А Вам кого?

– Мама дома?

– Нет.

– А отец?

– И его нет.

– А когда придёт?

– Не скоро, – отвечаю я довольно грубо.

Наш диалог уже больше похож на допрос! А я стою на пороге в мокром халате. Холодно, из парадного дует. Ещё бы! На улице, наверное, не меньше двадцати. И метель!

– И всё же, – настаивает незнакомец. – Я только что из хирургии. Там мне сказали, что он дома, в отпуске!

Видно, что мужчина огорчён, я бы даже сказала: очень расстроен.

– А откуда сослуживцы знают, что папа именно дома? – съехидничала я. – Нет его. Уехал.

– Надолго?

– А Вам-то что?

– Спрашиваю, значит – надо!

Мужчина отстраняет меня и проходит в квартиру. Ничего себе! Вот этого ни я, ни моя мама и вообразить себе не могли. Ну, что под самый Новый год к нам заявится какой-то мужик. И не просто поговорит со мной у порога, а весьма нахально вломится в дом... Да, дела!

– Что Вы себе позволяете? – возмутилась я. – Мне полицию вызвать?

– Никого ты не вызовешь, – угрюмо, но невозмутимо отвечает мой «гость». – Деньги дома есть?

– Деньги? – не понимаю я. – У меня? Нет...

– Ну, не у тебя, а вообще... Твой отец мне денег должен.

– Ну, значит, отдаст, – уверенно говорю я. – Вот приедет двенадцатого, и сразу...

– Это поздно, – мужик упрямо опускает свою голову. – Мне сегодня нужно.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Сейчас я позвоню папе и скажу, что Вы пришли. Он переведёт Вам деньги на карту. Вас это устроит?

Мужчина посмотрел на меня как-то странно. Испытующе? С интересом?

– Звони! Мне-то он не отвечает...

Уверенно, не раздеваясь и без приглашения, он проходит в нашу гостиную и садится на диван. Жёваные, грязные брюки, старые, очень поношенные ботинки... Папа ему должен? Как-то не верится...

Однако, я взяла свой телефон и набрала отца. «Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – сказал мне безразличный голос робота. Ну да! Я же сама попросила родителей отключать свои телефоны днём, чтобы их никто не отвлекал. Пусть, думаю, спокойно кушают, гуляют, принимают лечение. Ванны там, массаж... А сейчас? Что мне делать? Оставить сообщение папе? Или маме? Ну, уж нет! У неё, чего доброго, ещё истерика начнётся!

– Недоступен, – говорю я «гостю». – Он в санатории. Со своей женой. На процедурах сейчас, наверное...

– Ты же Кристина? – неожиданно спрашивает мужик. – У вас выпить есть?

– Да.

Я ответила утвердительно. Сразу – на оба вопроса.

– Наливай, – махнул рукой пришлый наглец. – Поговорим.

Замираю с телефоном в руках. Что делать? Выйти на кухню и набрать «службу спасения»? А что сказать? Папин знакомый, который, оказывается, знает и меня, пришёл к нам забрать свой долг. И что? Я же сама его впустила... Ну, ладно. В полицию позвонить я всегда успею.

– Вы позволите мне одеться? – язвительно спрашиваю я.

– Валяй! – говорит мужчина. – Я пока тут посижу.

Замечаю, как неприязненно он осматривает комнату. Его взгляд охватывает и добротную мебель, и дорогие портьеры, и ковёр, и новый телевизор, и наряженную ель...

– Хорошо живёте, – бормочет мужик себе под нос.

Я ухожу к себе, лихорадочно надеваю бельё, джинсы, водолазку. Волосы... Мокрые волосы... А, потом посушу... Закальваю непослушные пряди в узел и выхожу в гостиную.

– Ну, наливай, Кристина, – повторяет мужик. – И, давай, познакомимся, я – Борис. Дядя Боря, так сказать. Тебя мама про меня ничего не рассказывала?

О, так он и маму знает? Отрицательно мотаю головой.

– Нет.

Я подошла к папиному бару.

– Вам что?

– А, чего не жалко!

– Да мне ничего, так-то, не жалко, – пожимаю плечами я. – Коньяк будете?

– Давай!

– Ну... – я растерялась. – Не тут же Вы будете пить, на диване. Давайте, на кухню, что ли... Закуска там есть...

Мужчина всё так же, не раздеваясь, пошёл за мной, не сводя своих глаз с початой бутылки. Да, алкоголик, сразу видно.

– Борис... э... как Вас там?

– Борисович, – говорит мужик, – а что?

– Ну, куртку хоть снимите, дома тепло. И, потом, у нас на кухню в верхней одежде заходить не принято!

– О, сразу видно, чьё воспитание... – не то удивился, не то огорчился Борис Борисович. – Доктор, мать его...

Однако, он шустро вышел в коридор и вернулся уже без куртки. Зря я попросила его раздеться, зря. От моего гостя нестерпимо воняло какой-то затхлостью, плесенью, невымытым телом. Фу, противно!

– Присаживайтесь...

Я плеснула в его стакан немного коньяку, а потом прошла к холодильнику. Чем там закусывают такие напитки? Не шоколад же ему дать! Холодец? Сыр? Пока я думала, Борис возмутился.

– Кто так наливает?

Я обернулась. Мужчина и без моей закуски уже выпил жгучую янтарную жидкость, и опять наполнил свой стакан.

– Давай, Кристинка, за тебя! Хорошая ты выросла девушка! Красивая, умная, наверное... Учишься где?

Не дожидаясь моего ответа, Борис опять жадно проглотил коньяк.

– Вот, хорошо... С Новым годом, так сказать... – икнул он.

Я поняла, что мужчина очень быстро пьянеет. Что делать?

– Знаете ли, Борис Борисович, у меня ещё очень много дел, – сказала я. – Ко мне сегодня гости придут. Однокурсники. Десять человек!

Я посмотрела на настенные часы. И продолжила врать:

– С минуту на минуту девочки подъедут, салаты резать... Так что можете забрать эту бутылку с коньяком, ну, то, что осталось, и идти по своим делам! Папа обязательно переведёт Вам деньги вечером.

– Это ты меня... – странным, дрожащим голосом сказал Борис. – Меня из дому гонишь? Да ты хоть знаешь, кто я?

Ну? Я решительно скрестила руки на груди. И кем же этот «бывший интеллигентный человек» себя возомнил? Президентом? Дедом Морозом? Волшебником?

Наверное, издёвка так явно сквозила в моей позе и выражении лица, что Борис, вылив всё содержимое бутылки в свой стакан, залпом выпил солидную порцию спиртного и гордо сказал:

– Я твой папа, Кристина. Родной папа...

Я потеряла дар речи. Вот наглец!

– Как Вам не стыдно? Вы пьяны, неприлично пьяны! Приходить сюда и говорить мне такие вещи! Какой ещё «папа»? Вы меня ни с кем не попутали? Убирайтесь, немедленно убирайтесь отсюда!

– Кристина... – Борис отодвинул пустой стакан. – Да, я твой родной отец. И, признавшись тебе в этом, сделал себе только хуже. Твой «папаша» много лет платил мне за молчание... А теперь что же? Ты всё знаешь... С Новым годом, дочка!

– Как платил? – я опешила. – Вам? Чтобы я не знала какую-то там «правду»? Это – ерунда, бред! Мой папа – Минский Олег Владимирович! А Вы – клеветник! Наглый клеветник! Дождались, когда я буду дома одна и пришли, чтобы... шантажировать меня? Денег Вам надо?

– Дурочка... Вся в меня. На маму мою покойную очень похожа. Она тоже горячая была, гордая, прямая... Чем я тебя шантажирую? Правдой? Да, двадцать лет назад я работал в Покровском заведующим сельским клубом. У меня соответствующее образование, девочка моя! Столичный ВУЗ, режиссёрский факультет... Просто так получилось... Интриги, наговоры, сплетни... короче, мне пришлось уехать на периферию. И там я встретил твою маму. Молоденькую, чистую и красивую девушку, которая так скучала по своему родному городу, по культурным людям, по театру... Мы подружились, увлеклись друг другом... А потом она сказала мне, что беременна!

Борис посмотрел на меня, бледную, растерянную, и усмехнулся:

– Что, не нравится тебе такой папка? Да что уж там, я и сам себе частенько бываю противен... Давай, неси ещё чего-нибудь выпить! Да не пугайся ты, уйду сейчас!

Я, на ватных ногах, прошла в гостиную к бару, достала другую бутылку коньяку, принесла её на кухню и молча поставила на стол.

– Умница! – похвалил меня мужчина. – Да, не сосчитать, сколько раз в своей жизни я жалел, что не женился на Маше... А тогда – собрал свои вещи и уехал! Испугался, я элементарно испугался. Не был готов к семейной жизни, мечтал о своей карьере, успехе, светлом будущем. Какие дети? А она... Она просто родила! Потом мне рассказали, что роды были очень тяжёлыми, что принимал ребёнка, тебя, значит, молодой хирург, некто Минский. Он, неопытный гадёныш, чуть не угробил мамку твою! А, может, нарочно её искалечил, бездетной сделал, чтобы жениться потом на ней... Тебя удочерил, заставил «папой» его называть, урод!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.